

Руеангдам Ангсана

АТРИБУТИВНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК СРЕДСТВО ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ЭПОХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается употребление атрибутивных словосочетаний в названиях исторических эпох и событий. Исследование показало, что большинство таких словосочетаний включают слова с семантическим компонентом "время", а также лексические единицы, производные от имен исторических лиц. Они фиксируют представления людей о событиях прошлого и настоящего и являются средством познания мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 154-158. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Следует также отметить, что при организации учебного процесса на основе ИП важным является высокий темп урока. Работа в высоком темпе имеет особую профессиональную значимость для будущих переводчиков, так как в реальной профессиональной деятельности переводчику часто приходится работать в достаточно стрессовых ситуациях в условиях строгого ограничения времени. Следовательно, высокий темп занятия приучает студента к работе в стрессовой ситуации и активизирует механизмы конкурентности, коллективной и личной ответственности.

Таким образом, использование ИП в реализации программы бакалавриата по подготовке лингвистов-переводчиков в процессе обучения переводу и ИЯ делает процесс обучения более продуктивным и вариативным, а также способствует формированию общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых в дальнейшем бакалаврам для осуществления успешной профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Институт иностранных языков, 2000. 192 с.
2. Бонадыкова Е. В. Некоторые аспекты дидактики перевода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gavrilenko-nn.ru/publications/583/> (дата обращения: 20.01.2015).
3. Зимняя И. А., Мазаева И. А. Коммуникативная компетентность и речевая деятельность // Иностранные языки в школе. 2014. № 12. С. 7-18.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования Бакалавриат. Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf (дата обращения: 14.01.2015).
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 Лингвистика (квалификация (степень) «Бакалавр») [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/3/20111115120152.pdf> (дата обращения: 14.01.2015).
6. Шиба А. В. Интерактивные технологии обучения в процессе подготовки будущих переводчиков // Молодой ученый. 2013. № 9. С. 427-430.
7. Штанов А. В. Технология перевода и методика преподавания (компетентностный подход): монография. М.: МГИМО-Университет, 2011. 250 с.

INTERACTIVE APPROACH IN THE REALIZATION OF BACHELOR'S PROGRAM FOR LINGUISTS-TRANSLATORS TRAINING

Putistina OI'ga Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy
Murmansk State Humanities University
onitsitup@mail.ru

The article deals with the problem of the interactive approach realization in the teaching of linguists-translators in the light of current requirements of the Federal State Educational Standard of Higher Education promoting the effective formation of key skills that make up general cultural and professional competences.

Key words and phrases: educational standard; interactive approach; competence; competence-based approach; interaction; exercise.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматривается употребление атрибутивных словосочетаний в названиях исторических эпох и событий. Исследование показало, что большинство таких словосочетаний включают слова с семантическим компонентом «время», а также лексические единицы, производные от имен исторических лиц. Они фиксируют представления людей о событиях прошлого и настоящего и являются средством познания мира.

Ключевые слова и фразы: атрибутивные словосочетания; заимствование; имя собственное; прилагательное; концепт.

Руеангдам Ангсана

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
natty_hugo@hotmail.com

АТРИБУТИВНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК СРЕДСТВО ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ЭПОХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Атрибутивные словосочетания разнообразны по своим семантико-грамматическим свойствам. Наиболее типичными являются сочетания существительных с прилагательными, местоимениями и порядковыми числительными при формальной согласованности компонентов словосочетания. Атрибутивные отношения могут возникать также при сочетании существительных с предложными и беспредложными формами существительных,

с наречиями и с инфинитивом. В статье рассматриваются атрибутивные словосочетания двух типов: прилагательное + существительное: *Петровская эпоха* – и существительное + существительное в Р.п.: *эпоха Просвещения*. В исследованиях лингвокультурологического характера, так или иначе посвященных атрибутивным сочетаниям, обращает на себя внимание то, что они фиксируют уникальность анализируемых единиц, способных либо репрезентировать собой лингвокультурные концепты, либо являться компонентами других концептов. Некоторые из этих сочетаний хранятся в индивидуальном и коллективном языковом сознании в целостном виде, и поэтому только в единстве прилагательного и существительного возможна правильная интерпретация создаваемого и воспроизводимого образа [12, с. 80].

В русском языке ярким примером этого являются названия исторических эпох и событий. Историческая эпоха воплощает в себе важные, переломные события, определяющие последующее развитие общества. Это понятие было введено французскими просветителями и первоначально использовалось для обозначения последовательных ступеней социального прогресса. Названия эпохам даются после оценок прошлых событий. Такая периодизация влияет на точность последующих исследований. Переоценка этих событий приводит к их переименованию, что отражается в дополнительных оценочных коннотациях. Например, определение *Великая Октябрьская революция* впервые появилось в январе 1918 года в декларации фракции большевиков в Учредительном собрании. К концу 30-х годов XX века в советской официальной историографии утвердилось название *Великая Октябрьская социалистическая революция*. В первое десятилетие после революции нередко использовалось словосочетание *Октябрьский переворот*, которое не несло негативного смысла. Однако потом слово *переворот* стало ассоциироваться с заговором и захватом власти группой лиц (по аналогии с *дворцовыми переворотами*), и термин был запрещен в официальной историографии. В некоторых современных научных публикациях и учебниках опять стало активно употребляться выражение *октябрьский переворот*, несомненно, несущее идеологическую оценку [2; 8].

Как показывает исследование, значительную долю в названиях исторических эпох и событий занимают атрибутивные словосочетания с семантическим компонентом , время. Названия исторических событий и эпох зависят, прежде всего, от сложившейся в языке традиции. Так, для наименований исторических периодов характерно использование прилагательных, производных от имен собственных. Как правило, это имена правящих в это время людей: *Петровская эпоха, Екатерининский век, сталинское время, брежневские времена, андроповские времена, ельцинская эпоха, путинская эпоха*. Каждое из этих определений приобретает особый смысл или в результате внешней оценки, которая дается времени исследователями, или потому что живы свидетели какого-либо времени. Проиллюстрируем это примерами:

. *Эпоха петровских реформ* была подготовлена всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV в. Не один XVII в. подготовил собой переход к новому времени, но все “естественное” и закономерное развитие русской культуры. *Петровская эпоха* только потому была воспринята как кульминационный пункт этого перехода, что именно в это время произошла смена “знаковой системы” [3].

. Кто из москвичей и гостей столицы не томился в трепетном ожидании в очереди за дефицитом в брежневские времена? (Новости СБСАГРО (1997) // Столица. 1997. 29 сентября) [6].

Определяемое слово в атрибутивном словосочетании варьируется в зависимости от определения. В некоторых случаях период правления получает наименование “век”. Интересно, что этим словом определяются, как правило, не бурные, а благополучные периоды [9, с. 538], например, век Людовика XIV во Франции (1643-1715), Екатерининский век в России (1762-1796), Викторианский век в Англии (1837-1901).

. Веками традиционно именуют периоды правления европейских монархов, ставших символами абсолютизма: помимо Людовика XIV обычно относят Елизавету I (Тюдор) в Англии (1558-1603) и Филиппа II в Испании (1556-1598). Впрочем, периоды их царствования иногда называют не , веками, а , эпохами [9, с. 538]. Заметим, что выбор слова из ряда синонимов: *время, времена, эпоха, век, эра* – во многом также зависит от его привычного употребления: *военное время, советские времена, Эпоха дворцовых переворотов, век новых технологий, космическая эра*. В ряде случаев эти слова взаимозаменяемы: *советские времена* и *советское время*. Как отмечают исследователи, , способность к варьированию своих компонентов составляет одно из самых специфических свойств фразеологизма в языке как значимой языковой единицы [13, с. 227].

По отношению к важнейшим периодам истории определяются предшествующие или следующие за ними годы, наименования которых образуются при помощи приставок *до-, после- и пост-*: *послевоенные годы (времена), послевоенные годы (времена), постсоветское время, дореволюционное время*. Характерно, что в современном русском языке прилагательные в таких словосочетаниях хорошо понятны носителям языка и соотносятся с совершенно определенными событиями и периодами, хотя семантика этих прилагательных достаточно расплывчата и не содержит указания на конкретные даты. Так, *дореволюционные времена* и *послевоенные времена* подразумевают именно Великую Отечественную Войну 1941-1945 гг., *дореволюционное время* – соотносится с Великой Октябрьской революцией 1917 г. *Постсоветское время* – период после распада СССР в 1991 г.

Каждое словосочетание подвергается осмыслению в исторических и культурологических исследованиях. Приведем примеры.

. Глубокая любовная причастность к судьбе своей страны и страх, что она снова окажется перед угрозой государственного террора, помогает отречься от прошлых “практик зла”, “преодолеть” их. Прощение же зла действует наперекор созиданию. Повторим за Александром Эткиндом: “*Постсоветское время* – несомненно, меланхолическое. Работа горя не завершена и не успешна; потеря инкорпорирована субъектом, и он не может (что означает – не хочет) от нее освободиться. В этом главная и общая характеристика *постсоветского периода*; она вполне объясняет малую способность этого времени к любви и к работе” [14, с. 164].

Послепетровская эпоха – , период русской культуры от начала реформ Петра Великого до смерти Пушкина. Этот период вошёл в историю культуры как время разрыва со средневековой традицией и создания новой культуры, полностью секуляризированной. Тем более кажется странным ставить для него вопрос о конструктивной роли христианской традиции. Восемнадцатый век – *век Просвещения, рационализма, век воинствующей антицерковности*, <...> как кажется, в господствующих своих тенденциях был антихристианским периодом русской культуры [4, с. 58-71].

Особым видом атрибутивных сочетаний можно считать те, в которых в качестве главного слова используется субстантивированное прилагательное, называющее годы определенного десятилетия: *сороковые, девяностые, тридцатые* и др.

Так, *лихие девяностые* – устойчивое словосочетание, очень точно определяющее один из самых сложных периодов в новейшей истории России – 1990-е годы с характерными для того времени ростом преступности и социальной неустойчивостью. Предполагают, что впервые фраза *лихие девяностые* появилась в романе Михаила Веллера , Кассандраф, изданном в 2002 г. Самое раннее упоминание *лихих девяностых* в Яндекс.Новостях замечено 3 ноября 2003 г. Другой вариант написания – *лихие 90-е* – впервые появился 9 апреля 2004 г. Позже это словосочетание превратилось в журналистский штамп.

Выражение *сороковые роковые* также пришло из художественного текста – стихотворения Давида Самойлова , Сороковые!:

Сороковые, роковые, Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные [10, с. 110].

Особый интерес представляют номинации, значение которых приобретает оценочный компонент и в силу этого начинает употребляться метафорически применительно к сходным по некоторым признакам явлениям. Среди них такие выражения как *Смутное время, Кровавое воскресенье, Варфоломеевская ночь*.

Смутное время – принятый в исторической литературе термин для обозначения периода в России с 1598 по 1613 годы, ознаменованного стихийными бедствиями, польско-шведской интервенцией, тяжелейшим политическим, экономическим, государственным и социальным кризисами. , В современных СМИ название “Смутное время” часто метафорически используют по отношению к политической ситуации в нашей стране, сложившейся на рубеже XX и XXI вв. [5, с. 119].

Кровавое воскресенье – такое название получило мирное шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г., которое закончилось их массовым расстрелом. Само словосочетание *Девятого января* также стало нарицательным. В своей автобиографической повести , Охранная грамота [1930] Б. Л. Пастернак пишет: , Тогда, зажмурясь от страха, берутся за ручку свистка и со всей прирожденной мягкостью устраивают Ходынку, кишиневский погром и *Девятое января* и сконфуженно отходят в сторону, к семье и временно прерванному дневнику. Министры хватаются за голову. Окончательно выясняется, что территориальными далями правят недалекие люди [7, с. 258]. Слово *ходынка* стало крылатым после того, как 18 мая 1896 г. на Ходынском поле под Москвой в ходе , народных гуляний [1], устроенных по случаю коронации российского императора Николая II, погибло более тысячи человек. Они погибли в давке, после того как собравшиеся двинулись к столам, где, как было объявлено ранее, должны были раздавать царские подарки. *Кишинёвский погром* – один из самых известных еврейских погромов в Российской империи, произошедший при попустительстве властей 6 (19) – 7 (20) апреля 1903 года в губернском городе Бессарабии Кишинёве (ныне столица Молдавии). Названные события поставлены автором в один ряд и воспринимаются как синонимы. *Кровавым воскресеньем* (англ. *Bloody Sunday*, ирл. *Domhnach na Fola*) были названы события 30 января 1972 года, произошедшие в Северной Ирландии, когда расстреляли демонстрацию местных жителей, пришедших на марш Ассоциации в защиту гражданских прав Ирландии. В данном случае можно говорить об исторической аналогии и кальке с русского языка. Потенциально так может быть названо любое произошедшее в течение короткого времени событие, когда истреблялось ни в чем не повинное мирное население. Название дня недели возможно любое (по аналогии с *черной пятницей, черным вторником* и т.д.). Например: *кровавая суббота* в Новочеркасске в 1962 году – расстрел протестующих рабочих.

Выражение *варфоломеевская ночь* означает , массовое жестокое избиение беззащитных людей (от исторического события – массового избиения протестантов-гугенотов, произведенного католиками в Париже в ночь на день св. Варфоломея 24 авг. 1572 г.) [11, с. 138]. Это устойчивое словосочетание вышло за рамки своего исторического контекста, и его происхождение не всегда может быть истолковано носителями языка.

А. Н. Варламов в книге , Пришвин, или Гений жизни пишет: , В этих только в постсоветское время опубликованных на родине писателей произведениях есть совпадения едва ли не текстуальные, например, в тех случаях, когда революция описывается обоими как *Варфоломеевская ночь*, и даже дается народная огласовка: у Бунина – “на сходке толковали об “*Архаломеевской ночи*” – будто должна быть откуда-то телеграмма – перебить всех буржуев”; Пришвин призывает в своей революционной публицистике “собирать человека”, разбитого событиями “*Халамеевой*” ночи [1, с. 170].

Великая Октябрьская революция 1917 года имеет еще одну очень известную перифразу – *окаянные дни*. , Окаянные дни – книга И. А. Бунина, дневниковые записи, которые он вёл во время революционных событий в Москве и Одессе с 1918 по 1920 г.

Слово *окаянный* взято из церковно-славянского языка и означает , отверженный церковью, проклятый, греховный [1]. Отсутствие веры у людей, потери, понесенные в это время, революция как национальная катастрофа – все эти смысловые составляющие есть в названии книги.

Названия месяцев традиционно используются в обозначениях исторических событий: *Декабрьское восстание*, *Февральская революция* – события в Петрограде в феврале 1917 г., в результате которых в России был свергнут император Николай II, *августовский путч* – попытка государственного переворота 18-21 августа 1991 г.

Прецедентные имена, которые обозначают важные события всемирной истории при помощи указания на их дату, месяц или год, могут использоваться метафорически для образного обозначения современных российских реалий. Например, выражение *37 год* обозначает период наиболее массовых репрессий, так называемый «*Большой террор*», который пришёлся на 1937-1938 гг. Политические репрессии осуществлялись в СССР в период сталинизма с конца 1920-х до начала 1950-х гг. От него образуются атрибутивные словосочетания перифрастического характера, например, *второй 37-й год*:

Чубайс выступил со своим манифестом, заявив стране, что его «партия меньшинства» возглавит второй этап либеральной реформации в России. Ставки сделаны и – все эти стенания вокруг «термидора» питерцев и ~~второй 37-й год~~ – не всерьёз, на публику! (Завтра. 2003) [6].

Прецедентные имена, которые обозначают те или иные события при помощи указания на место, где они произошли, также используются в переносном значении:

Перспектива провести два часа на морозе никого из собравшихся журналистов обрадовать не могла. Казалось, еще немного, и начнется *настоящая жодынка*! (Независимая газета, 2004) [Там же].

Названия исторических эпох и событий представлены в русском языке и устойчивыми атрибутивными словосочетаниями, в которых использованы метафоры (*хрущевская оттепель*, *эпоха застоя*, *эпоха перестройки*).

Оттепель в прямом значении – теплая погода, наступающая среди зимы или ранней весной и вызывающая таяние снегов. В переносном значении применительно к историческому периоду – время либерализации в сфере общественно-политической и культурной жизни страны; смягчение режима политического давления (в СССР в 60-е гг. XX в.). В конце 50-х годов недолгая *хрущевская оттепель* вызвала к жизни приток литературных сил, и на страницах журналов заперестрели имена талантливых молодых писателей – Аксенова, Гладиллина, Войновича, Окуджавы, Ефимова, Ахмадулиной, Шукшина, Искандера, Балтера и многих других (Сергей Довлатов. Блеск и нищета русской литературы. 1982) [Там же]; Короткая *хрущевская оттепель* сменилась устойчивыми *брежневскими холодами* (Александр Городницкий. И жить еще надежды. 2001) [Там же].

Застой в прямом значении – отсутствие движения; неподвижность. Применительно к историческому периоду – отсутствие развития, совершенствования в общественной жизни, науке, культуре и т.п. Период застоя в истории СССР охватывает два с небольшим десятилетия – с момента прихода к власти Л. И. Брежнева (1964) до январского Пленума 1987 г., после которого в СССР были начаты реформы во всех сферах жизни общества. В публицистике используется клише *Эпоха застоя*. Интересно, что данное словосочетание также стало употребляться иносказательно. Поляна сузилась. Наступила ли для российских СМИ «эпоха застоя»? – так звучит заголовок в одной из современных газет (*Internews Kazakhstan*. 02.05.2013) [Там же].

Перестройка в прямом значении означает действие по глаголу *перестроить*, *перестроиться*. В переносном значении обозначает время решительной смены основ общественного сознания, приведшей к коренному изменению жизни (в СССР в середине 80-х гг.). Употребляется также словосочетание *перестроечное время (время, период)*.

Все сказанное выше, на наш взгляд, подтверждает, что обозначения исторических периодов и событий играют важную роль в осмыслении русской национальной картины мира.

Список литературы

1. Варламов А. Н. Пришвин, или Гений жизни // Октябрь. 2002. № 1. С. 130-184.
2. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 24.02.2015).
3. Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры [Электронный ресурс] // Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 382-388. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/retrovskie_reformy.pdf (дата обращения: 02.03.2015).
4. Лотман Ю. М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция // Труды по знаковым системам. Тарту, 1992. Т. 24. Культура. Текст. Нарратив. С. 58-71.
5. Нахимова Е. А. Прецедентное поле. Смутное время в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 60. Вып. 24. С. 118-126.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.02.2015).
7. Пастернак Б. Л. Охранная грамота // Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М.: Советский писатель, 1973. С. 191-285.
8. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина; АСТ-Пресс, 2007. 736 с.
9. Савельева И. М., Полегаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. 632 с.
10. Самойлов Д. Стихотворения / сост., подг. текста В. И. Тумаркин, вступ. ст. А. С. Немзер. СПб.: Академический проект, 2006. 800 с.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд-е, стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. 702 с.
12. Хлопьянов А. В. Лингвопоэтическое исследование атрибутивных словосочетаний в поэмах А. С. Пушкина: дисс. ... к. филол. н. М., 2008. 286 с.
13. Хун С. И. Фразеологическая вариативность // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. Ч. 2. С. 226-227.
14. Шор-Чудновская А. Понять постсоветского человека // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2009. № 6 (68). С. 155-167.

**ATTRIBUTIVE WORD-COMBINATION AS A MEANS TO INDICATE
HISTORICAL EVENTS AND EPOCHS IN THE RUSSIAN LANGUAGE****Rueangdam Angsana***M. V. Lomonosov Moscow State University
natty_hugo@hotmail.com*

The article examines the use of attributive word-combinations in the nominations of historical epochs and events. According to the researcher, the majority of such word-combinations include the words with the semantic component “time” and lexical units derived from the names of historical figures. They record the conceptions of the people on the events of the past and present and are means for cognition of the world.

Key words and phrases: attributive word-combinations; borrowing; proper name; adjective; concept.

УДК 81'373; 81'374

Филологические науки

В статье анализируются взгляды В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы на положение лексикологии в лингвистике. Продемонстрирована неоднозначность отношения к данному лингвистическому разделу в зарубежной и отечественной науке. Выявлено, что серьёзные попытки изучения лексикологии относятся к XX веку. Проведено сравнение представлений В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы о лексикологии как науке. Установлено, что воззрения обоих учёных на лексикологию носят диалектический характер.

Ключевые слова и фразы: лингвистика; лексикология; грамматическая система; слово; фонетическое понятие; значение; морфема; предложение.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.*Байкальский государственный университет (филиал) в г. Якутске
dsamarin2011@yandex.ru***СТАТУС ЛЕКСИКОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
КОНЦЕПЦИЯХ В. А. БОГОРОДИЦКОГО И Л. В. ЩЕРБЫ**®

Ни один раздел лингвистики не имел на протяжении всей истории её развития столь непростого удела, как лексикология. Это было связано с её пограничным положением по отношению к грамматике. Лишь в XX столетии были предприняты первые серьёзные усилия по приданию ей грамматического статуса. Эти попытки связаны с именами русско-польского учёного Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845-1929) и швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857-1913).

И. А. Бодуэн де Куртенэ считал лексикологию, которую он называл лексикологией, самой обособленной частью грамматической науки. По этому поводу он прогнозировал: «Лексикология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в.» [4, с. 17]. Это предвидение оправдалось и подтверждается многочисленными лексикологическими исследованиями последних десятилетий.

Схожее с И. А. Бодуэном де Куртенэ мнение о значимости лексикологии как науки высказал и Ф. де Соссюр. В седьмой главе своего «Курса общей лингвистики» он писал о своём несогласии с определением структуры грамматики: «В самом деле, именно объединённые морфология и синтаксис – вот то, что принято называть грамматикой, тогда как лексикология, или наука о словах, из неё исключается» [14, р. 185]. Уже на следующей странице он высказался в её защиту: «С другой стороны, логично ли исключать лексикологию из грамматики?» [Ibidem, р. 186]. Швейцарский учёный поддерживал придание лексикологии грамматического статуса. Такими были первые подходы к определению статуса лексикологии в современной лингвистике.

Проблема лексикологии активно разрабатывалась в российской лингвистике. Её пытались решить два непосредственных ученика и последователя И. А. Бодуэна де Куртенэ – В. А. Богородицкий и Л. В. Щерба, но их подходы к лексикологии были неоднозначными. Василий Алексеевич Богородицкий (1857-1941) стал после отъезда И. А. Бодуэна де Куртенэ из Казани руководителем и самым ярким представителем Казанской лингвистической школы. Лев Владимирович Щерба (1880-1944) развивал традиции, введённые в науку о языке И. А. Бодуэном де Куртенэ, в Петербургском университете.

Лексикологию вместе с грамматикой В. А. Богородицкий отнёс к сфере чистого языковедения (в современных терминах – внутренней лингвистики). Но если в грамматику казанский исследователь языка помещал фонетику, морфологию (с семасиологической и формальной стороны, т.е. морфологию и словообразование) и синтаксис (также с этих двух сторон), то какая функция отводилась лексикологии?

Под лексикологией В. А. Богородицкий подразумевал не часть грамматического строя языка, а саму лексику. Об этом свидетельствует приведённая в его «Общем курсе русской грамматики». Из университетских